

Содержание

Часть I

Введение 9

Глава 1
**Средство коммуникации
есть сообщение** 14

Глава 2
**Горячие и холодные
средства коммуникации** 35

Глава 3
**Обращение перегретого
средства коммуникации
в свою противоположность** 51

Глава 4
Влюбленный в технику
Нарцисс как наркосс 62

Глава 5
Гибридная энергия
Les liaisons dangereuses 71

Глава 6
**Посредники
как переводчики** 83

Глава 7
Вызов и коллапс
Немезис креативности 90

Часть II

Глава 8
Устное слово
Цветок зла? 105

Глава 9
Письменное слово
Око за ухо 110

Глава 10
**Дороги и маршруты
движения бумаг** 119

Глава 11
Число
Профиль толпы 139

Глава 12			
Одежда			
Наша разросшаяся кожа	155		
Глава 13			
Жилище			
Новый взгляд и новое мировоззрение	159		
Глава 14			
Деньги			
Кредитная карточка бедняка	169		
Глава 15			
Часы			
Аромат времени	185		
Глава 16			
Печать			
Как на нее клюнуть	200		
Глава 17			
Комикс			
Вестибюль MAD, ведущий к телевидению	209		
Глава 18			
Печатное слово			
Архитектор национализма	217		
Глава 19			
Колесо, велосипед и самолет			228
Глава 20			
Фотография			
Бордель-без-стен	240		
Глава 21			
Пресса			
Управление посредством утечки информации	260		
Глава 22			
Автомобиль			
Механическая невеста	278		
Глава 23			
Рекламные объявления			
Стремясь не отстать от соседей	289		

Глава 24

Игры

Расширения человека **298**

Глава 25

Телеграф

Социальный гормон **312**

Глава 26

Пишущая машинка

Вступая в век
несгибаемой прихоти **327**

Глава 27

Телефон

Звенящая латунь
или звонящий символ? **336**

Глава 28

Фонограф

Игрушка, которая ужала
национальную грудную клетку **349**

Глава 29

Кино

Мир, намотанный на катушку **362**

Глава 30

Радио

Племенной барабан **379**

Глава 31

Телевидение

Застенчивый гигант **393**

Глава 32

Оружие

Война икон **433**

Глава 33

Автоматизация

Учиться жить **442**

Именной указатель **458**

Часть I

Введение

Джеймс Рестон писал в *The New York Times* (7 июля, 1957):

Руководитель отдела здравоохранения... сообщил на этой неделе, что маленькая мышка, видимо насмотревшись телевизионных программ, напала на маленькую девочку и ее взрослую кошку... Мышь и кошка остались целы и невредимы, а мы приводим этот случай как напоминание о том, что, видимо, что-то в этом мире меняется.

После трех тысяч лет взрывного разброса, связанного с фрагментирующими и механическими технологиями, западный мир взрывается вовнутрь. На протяжении механических эпох мы занимались расширением наших тел в пространстве. Сегодня, когда истекло более столетия с тех пор, как появилась электрическая технология, мы расширили до вселенских масштабов свою центральную нервную систему и упразднили пространство и время, по крайней мере в пределах нашей планеты. Мы быстро приближаемся к финальной стадии расширения человека вовне – стадии технологической симуляции сознания, когда творческий процесс познания будет коллективно и корпоративно расширен до масштабов всего человеческого общества примерно так же, как ранее благодаря различным средствам коммуникации были расширены вовне наши чувства и наши нервы. Будет ли расширение сознания, которого так долго добивались специалисты, занимающиеся рекламой различных продуктов, «полезным делом» – вопрос, допускающий множество ответов. Не рассмотрев всю совокупность расширений человека, мы вряд ли сумеем ответить на такого рода вопросы. Любое расширение, будь то

кожи, руки или ноги, оказывает воздействие на весь психический и социальный комплекс.

В этой книге исследуются некоторые основные расширения и некоторые вызываемые ими психические и социальные последствия. Насколько мало внимания таким вещам уделялось в прошлом, видно из пугливого оцепенения, вызванного этой книгой у одного из ее редакторов. Он в смятении заметил, что «материал в вашей книге нов на 75 процентов. Книга, рассчитанная на успех, не может осмеливаться более чем на 10 процентов новизны». В наше время, когда ставки необычайно выросли, а потребность в понимании следствий, вызванных расширениями человека, становится с каждым часом все более настоятельной, видимо, стоит пойти на такой риск.

В механическую эпоху, теперь уходящую в прошлое, многие действия могли совершаться без особых мер предосторожности. Медленность движений гарантировала отсрочку ответного действия на немалый промежуток времени. Сегодня действие и реакция на него происходят почти одновременно. Мы на самом деле живем, так сказать, мифически и интегрально, однако продолжаем мыслить в соответствии со старыми, фрагментированными пространственными и временными образцами доэлектрической эпохи.

Из технологии письменности западный человек почерпнул способность действовать, ни на что не реагируя. Выгоды такого фрагментирования самого себя видны на примере хирурга, который был бы совершенно беспомощен, окажись он по-человечески вовлечен в проводимую операцию. Мы овладели искусством проводить с полной отрешенностью самые опасные социальные операции. Однако наша отрешенность была позицией безучастности. В эпоху электричества, когда наша центральная нервная система, технологически расширившись вовне, вовлекает нас в жизнь всего человечества и вживляет в нас весь человеческий род, мы вынуждены глубоко участвовать в последствиях каждого своего действия. Нет более возможности принимать отчужденную и диссоциированную роль письменного человека Запада.

Театр Абсурда драматизирует эту дилемму, вставшую в последнее время перед западным человеком — человеком

действия, который оказывается исключенным из самого действия. Таковы истоки и глубинные подтексты клоунов Сэмюэла Беккета. После трех тысяч лет специалистского взрыва и нарастания специализма и отчуждения в технологических расширениях наших тел, наш мир благодаря драматическому процессу обращения начал сжиматься. Уплотненный силой электричества, земной шар теперь — не более чем деревня. Скорость электричества, собрав воедино во внезапной имплозии^{1,2} все социальные и политические функции, беспрецедентно повысила осознание человеком своей ответственности. Именно этот импловивный фактор меняет положение негра, тинейджера и некоторых других групп. Они не могут и далее оставаться *самодостаточными*, в политическом смысле ограниченного общения. Теперь они *вовлечены* в наши жизни, как и мы в их жизни тоже, и все это благодаря электрическим средствам коммуникации.

Это Эпоха Тревоги, вызванная электрическим сжатием, принуждающим к привязанности и участию невзирая ни на какие «точки зрения». Частный и специализированный характер точки зрения, сколь бы он ни был благородным, не будет иметь в электрическую эпоху равным счетом никакого значения. На уровне информации такое же опро-

¹ Все примечания здесь и далее составлены переводчиком.

² Маклюэн активно использует парные понятия *explosion* 'взрыв' и *implosion* 'имплозия, направленный внутрь взрыв, схлопывание, интеграция', а также производные от них, не всегда поддающиеся в контексте последовательно единообразному переводу. Под «взрывом» понимается формально-структурный процесс дифференциации, фрагментации, специализации элементов и функций. Под «имплозией» подразумевается обратный процесс интеграции, стирания границ и различий, снятия фрагментации и специализации, собирания целого из осколков, причем процесс, который не включает в себе централизации (это нецентрированный «взрыв вовнутрь»); здесь это понятие передается такими словами, как «сжатие», «схлопывание», «взрыв вовнутрь». Соответствующие прилагательные *explosive* и *implosive* переводятся здесь как 'взрывной' и 'импловивный'; соответствующие глаголы — 'взрываться' и 'взрываться вовнутрь' ('сжиматься', 'уплотняться'). Эта маклюэновская дихотомия почти полностью совпадает по смыслу с библейской метафорой «время разбрасывать камни, и время собирать камни» (Еккл. 3, 5).

кидывание произошло с заменой обычной точки зрения инклюзивным¹ образом. Если девятнадцатый век был эпохой редакторского кресла, то наше столетие – век психиатрической кушетки². Как расширение человека, кресло представляет собой специалистскую ампутацию ягодич, своего рода отдельительный абсолют заднего места, тогда как кушетка есть расширение всего существа. Психиатр использует кушетку, поскольку она отбивает соблазн к выражению частных точек зрения и устраняет потребность в рационализации событий.

Стремление нашего времени к цельности, эмпатии и глубине осознания – естественное дополнение к электрической технологии. Эпоха механической индустрии, которая нам предшествовала, считала естественным способом самовыражения страстное утверждение частного взгляда. У каждой культуры и каждой эпохи есть своя излюбленная модель восприятия и знания, которую они склонны предписывать всему и вся. Примета нашего времени – отвращение к насаждаемым образцам. Мы вдруг обнаруживаем в себе страстное желание, чтобы вещи и люди проявляли себя во всей полноте. В этой новой установке можно найти глубокую веру – веру в высшую гармонию всего бытия. Именно в этой вере написана эта книга. Она исследует очертания наших расширенных существ в наших технологиях и ищет в каждой из них принцип понятности. Будучи целиком уверенным в том, что можно достичь такого понимания этих форм, которое позволило бы придать их применению упорядоченный характер, я взглянул на них по-новому, приняв очень мало из того, что говорит о них конвенциональная мудрость. О средствах коммуникации можно сказать так же, как сказал Роберт Тиболд³

¹ Слово *inclusive* 'инклюзивный' не имеет полноценного аналога в русском языке, заключая в себе целый ряд смыслов (включительный, вмещающий, обобщенный, целостный, емкий, не состоящий из отдельных и обособленных элементов, а схватываемый целиком и тем самым близкий к гештальту).

² *Кушетка* – необходимый элемент обстановки психоаналитического сеанса, введенный в конце XIX века З. Фрейдом.

³ *Тиболд* Роберт (Robert Theobald, 1929–1999) – американский экономист, автор теории «кибернетической революции», оказавшей влияние на социологические теории постиндустриального общества.

об экономических депрессиях: «Есть еще один дополнительный фактор, помогавший держать депрессии под контролем, и этот фактор – лучшее понимание их развития». Прежде чем приступить к исследованию происхождения и развития отдельных расширений человека, следует бросить взгляд на некоторые общие аспекты средств коммуникации, или расширений человека, начав с того – так до сих пор и не объясненного – оцепенения, которое вызывается каждым новым расширением в индивидуе и обществе.

Глава 1

Средство коммуникации есть сообщение

В такой культуре, как наша, издавна привыкшей расщеплять и разделять вещи ради установления контроля над ними, людей немного шокирует, когда им напоминают, что на самом деле как с операциональной, так и с практической точки зрения средство коммуникации есть сообщение. А это всего лишь означает, что личностные и социальные последствия любого средства коммуникации – то есть любого нашего расширения вовне – вытекают из нового масштаба, привносимого каждым таким расширением, или новой технологией, в наши дела. Так, например, новые образцы человеческих связей, возникающие вместе с автоматизацией, воистину несут с собой угрозу уничтожения рабочих мест. Это негативный результат. С позитивной же точки зрения автоматизация создает для людей роли, или, иначе говоря, воссоздает ту глубину вовлечения их в свою работу и в связи с другими людьми, которая была разрушена нашей прежней механической технологией. Многие склонялись к тому, что значением, или сообщением, машины является не она сама, а то, что человек с нею делает. С точки зрения того, как машина изменяла наше отношение друг к другу и к самим себе, не имело ровным счетом никакого значения, что именно она выпускала: кукурузные хлопья или «кадиллаки». Форма переструктурирования человеческой работы и ассоциации определялась процессом фрагментации, составляющим самую суть машинной технологии. Сущность автоматической технологии технологии совсем в другом. Она в такой же степени глубоко интегральна и децентралистична, в какой машина в конфигурировании ею человеческих взаимоотношений была фрагментарной, централистичной и поверхностной.

В этой связи может быть показателен пример электрического света. Электрический свет – это чистая информация. Он представляет собой, так сказать, средство коммуникации без сообщения, если только его не используют для оглашения какого-то словесного объявления или названия. Этот факт, характеризующий все средства коммуникации, означает, что «содержанием» любого средства коммуникации всегда является другое средство коммуникации. Содержанием письма является речь, точно так же, как письменное слово служит содержанием печати, а печать – содержанием телеграфа. Если спросят: «Что есть содержание речи?», – на это необходимо ответить: «Это действительный процесс мышления, который сам по себе невербален». Абстрактная живопись представляет собой прямое проявление творческих мыслительных процессов, как они могли бы проявиться в компьютерном проектировании. Что нас, однако, здесь интересует, так это психические и социальные последствия конфигураций, или паттернов, усложняющих или ускоряющих существующие процессы. Ибо «сообщением» любого средства коммуникации, или технологии, является то изменение масштаба, скорости или формы, которое привносится им в человеческие дела. Железная дорога не привнесла в человеческое общество ни движения, ни транспорта, ни колеса, ни дороги, но она ускорила прежние человеческие функции и укрупнила их масштабы, создав совершенно новые типы городов и новые виды труда и досуга. И это происходило независимо от того, функционировала ли железная дорога в тропической или северной среде, и совершенно независимо от перевозимого по ней груза, или содержания железнодорожного средства сообщения¹. С дру-

¹ Термин *medium* имеет в английском языке очень широкое и общее значение, для передачи которого в русском языке нет равноценного аналога. Понятие «посредник», более всего подходящее по степени абстрактности и применяемое, например, в ранних русскоязычных работах П. Сорокина («проводник»), не привилось у нас в качестве устойчивого элемента социологического лексикона. (Перевод этого термина словом «посредник» используется только в именуемых русских версиях работ Т. Парсонса.) Исходя из этого, мы будем переводить этот термин как «средство коммуникации», а в ряде случаев, когда это необходимо, использовать такие варианты перевода, как «средство

гой стороны, самолет, повышая скорость транспортировки, приносит с собой тенденцию упразднения железнодорожной формы города, политики и человеческих связей, причем совершенно независимо от того, для каких целей самолет используется.

Вернемся к электрическому свету. Используется ли свет для операции на мозг или освещения вечернего бейсбольного матча — не имеет никакого значения. Можно было бы утверждать, что эти виды деятельности являются в некотором роде «содержанием» электрического света, поскольку без электрического света они не могли бы существовать. Этот факт всего лишь подчеркивает, что «средство коммуникации есть сообщение», так как именно средство коммуникации определяет и контролирует масштабы и форму человеческой ассоциации и человеческого действия. Содержания, или способы применения таких средств, столь же разнообразны, сколь и неэффективны в определении формы связывания людей. На самом деле очень типично, что «содержание» всякого средства коммуникации скрывает от наших глаз характер этого средства. Только сегодня отрасли промышленности стали сознавать различные виды бизнеса, которыми они занимаются. Лишь когда фирма *IBM* открыла, что ее делом является не изготовление офисного оснащения и канцелярской оргтехники, а обработка информации, она начала продвигаться вперед с ясным пониманием своего курса. Компания *General Electric* извлекает значительную часть своих прибылей из изготовления электрических ламп и систем освещения. Она — как и *American Telephone and Telegraph Company* — еще не открыла для себя, что ее делом является перемещение информации.

Электрический свет ускользает от внимания как средство коммуникации именно потому, что у него нет «содержания». И это делает его бесценным примером того, насколько

сообщения» и «средство (массовой) информации». (Кроме того, данный термин имеет такое общее значение, как «средство связи», и более частное значение «средства общения».)

люди не заботятся об изучении средств как таковых. Ибо до тех пор, пока электрический свет не начинают использовать для оглашения какой-нибудь торговой марки, он как средство коммуникации остается незамеченным. Но даже и тогда предметом внимания становится не сам свет, а его «содержание» (т.е. другое средство). Сообщение электрического света, подобно сообщению электроэнергии в промышленности, является целиком и полностью основополагающим, всепроникающим и децентрализованным. Ибо электрический свет и электроэнергия отделены от их применений, и, кроме того, они упраздняют временные и пространственные факторы человеческой ассоциации, создавая глубинное вовлечение точно так же, как это делают радио, телеграф, телефон и телевидение.

Полное и исчерпывающее руководство по изучению расширений человека можно было бы составить из фрагментов произведений Шекспира. Кто-то мог бы, поиграв словами, в шутку спросить, не о телевидении ли шла речь в следующих знаменитых строках из *Ромео и Джульетты*:

Но тише! Что за свет блеснул в окне?..
Оно заговорило. Нет, молчит¹.

В трагедии *Отелло*, которая, как и *Король Лир*, посвящена мукам людей, оказавшихся в плену иллюзий, есть следующие строки, свидетельствующие о том, что Шекспир предвосхитил своей интуицией преображающие возможности новых средств коммуникации:

Приходится поверить в колдовство,
Которым совращают самых чистых.
Тебе, Родриго, ни о чем таком
Читать не приходилось?²

¹ У Маклюэна во второй строке местоимение «она», стоящее в оригинале, заменено на «оно». Вторая шекспировская строка (в переводе Т. Щепкиной-Куперник) звучит так: «Она заговорила? Нет, молчит». Цит. по: *Шекспир В. Комедии. Хроники. Трагедии. Сонеты. Т. 2. М.: РИПОЛ, 1994. С. 41–42.*

² Приводится в пер. Б. Пастернака по изданию: *Шекспир В. Трагедии. М.: РИПОЛ, 1993. С. 513.*

В трагедии Шекспира *Троил и Крессида*, которая почти целиком посвящена психологическому и социальному изучению коммуникации, Шекспир оставляет свидетельство понимания того, что подлинная социальная и политическая ориентация зависит от предвосхищения последствий нововведения:

Ведь зоркость государственных людей,
Как Плутус, видит все крупинки злата,
Спускается на дно глубоких бездн,
И в мысли проникает, словно боги,
И рост их видит в темных колыбелях¹.

Растущее осознание того воздействия, которое средства коммуникации оказывают совершенно независимо от своего «содержания», или наполнения, проявилось в раздраженной анонимной строфе:

Согласно современной мысли
(если уж не в самом деле),
То, что не действует, – ничто.
А посему считается за мудрость
Описывать чесанье, а не зуд.

Тот же тип тотального, конфигурационного осознания, открывающего нам, почему в социальном плане средство коммуникации является сообщением, проявился в новейших радикальных медицинских теориях. В книге *Стресс жизни* Ганс Селье² рассказывает об испуге, охватившем его коллегу по исследованиям, когда тот выслушал теорию Селье:

Когда он увидел меня, с увлечением погрузившегося в очередное упоительное описание того, что мне довелось наблюдать у животных, подвергаемых лечению теми или иными

¹ Приводится в пер. Л. Некора по изданию: *Шекспир У.* Собр. соч. в 8 т. Т. 5. М.: Интербук, 1993. С. 296.

² *Селье* Ганс (Hans Selye, 1907–1982) – канадский патолог. Известен своей теорией неспецифического реагирования и прежде всего теорией стресса (общего состояния, возникающего под влиянием сильных воздействий среды и сопровождающегося мобилизацией всех защитных систем организма).

нечистыми, токсичными веществами, он взглянул на меня отчаянно грустными глазами и с очевидной безысходностью в голосе сказал: «Но, Селье, постарайтесь же наконец понять, что вы делаете, пока еще не слишком поздно! Вы только что решили потратить всю свою жизнь на изучение фармакологии грязи!»¹

Как Селье в своей «стрессовой» теории болезни обращается к целостной ситуации окружающей среды, так и новейший подход к изучению средств коммуникации принимает во внимание не только «содержание», но также само средство коммуникации как таковое и ту культурную матрицу, в которой это конкретное средство функционирует. Царившее до сих пор непонимание психических и социальных последствий, вызываемых средствами коммуникации, можно проиллюстрировать на примере почти любого из обывательских суждений.

Несколько лет назад генерал Давид Сарнов², принимая почетную степень от Нотр-Дамского университета, произнес такие слова: «Мы слишком предрасположены делать технологические инструменты козлами отпущения за грехи тех, кто ими орудует. Продукты современной науки сами по себе ни хороши, ни плохи; их ценность определяется тем, как они используются.» Это глас современного сомнамбулизма. Представьте, что мы сказали бы: «Яблочный пирог сам по себе не хорош и не плох; его ценность определяется тем, как его используют». Или: «Вирус оспы сам по себе не хорош и не плох; его ценность определяется тем, как его используют». Или, опять же: «Огнестрельное оружие само по себе не хорошее и не плохое; его ценность определяется тем, какое

¹ *Selye H. The Stress of Life. N. Y.; Toronto; L.: McGraw-Hill Book Co., Inc., 1956.*

² *Сарнов Давид (David Sarnoff, 1891–1971) – американский промышленник русского происхождения. С 1922 г. вице-президент Американской радиокорпорации (RCA). Руководя корпорацией, уже в 1923 г. предсказал, какую огромную роль в будущем будет играть телевидение. Активно пропагандировал необходимость размещения радиоприемников и телевизоров в каждом доме. Во время Второй мировой войны служил консультантом по коммуникациям, за что в 1944 г. получил звание бригадного генерала.*

ему дают применение». Иначе говоря, если пули попадают в тех, в кого надо, огнестрельное оружие становится хорошим. Если телевизионный экран обстреливает нужными боеприпасами нужных людей, то он хорош. И тут я несколько не передергиваю. Просто в утверждении Сарнова нет ничего, что выдержало бы проверку, ибо оно игнорирует природу средств коммуникации – каждого по отдельности и всех вместе взятых – поистине на манер Нарцисса, зачарованного ампутацией и расширением собственного существа в новую техническую форму. Далее генерал Сарнов разъяснил свое отношение к технологии печати, сказав, что печать действительно пустила в оборот немало макулатуры, но в то же время распространила Библию и мысли пророков и философов. Генералу Сарнову даже не приходило в голову, что любая технология может делать что-то еще, кроме как *добавлять* себя к тому, что мы уже собой представляем.

Такие экономисты, как Роберт Тиболд, Уолт Ростоу и Джон Кеннет Гэлбрейт, уже много лет занимаются объяснением того, почему «классическая политэкономия» не может объяснить изменение и рост. И парадокс механизации состоит в том, что хотя она сама по себе является причиной максимального роста и изменения, лежащий в ее основании принцип исключает саму возможность роста или понимания изменения. Ибо механизация осуществляется за счет фрагментации того или иного процесса и расположения его фрагментированных частей в последовательный ряд. Между тем, как еще в XVIII веке показал Дэвид Юм, простая последовательность не содержит в себе никакого принципа причинности. То, что одна вещь следует за другой, ровным счетом ничего не объясняет. Из следования не следует ничего, кроме изменения. А потому величайшее из всех обращений¹ произошло с пришествием электричества, которое положило

¹ Термин *reversal*, который переводится здесь как 'обращение', является одним из ключевых понятий в концепции Маклюэна и означает радикальное изменение природы (или направленности) процесса, развития, средства коммуникации, его воздействий и т.д., превращение их в собственную противоположность, диалектическое возвращение в прошлое состояние на новом этапе развития; по сугубо формальному значению этот термин близок к гегелевско-марксистскому понятию «отрицание отрицания».

конец последовательности, сделав вещи мгновенно-одновременными. С мгновенной скоростью причины вещей вновь стали доходить до осознания, чего не было, когда вещи составлялись в последовательный ряд и, соответственно, составляли цепочку. Вместо вопрошания о том, что появилось раньше: курица или яйцо, — внезапно пришло на ум, что курица — это план яйца по преумножению яиц.

Непосредственно перед тем, как самолет преодолевает звуковой барьер, на его крыльях становятся видны звуковые волны. Неожиданная зримость звука, появляющаяся как раз тогда, когда звук заканчивается, — подходящий пример для иллюстрации той великой формы (pattern) бытия, которая обнажает новые и противоположные формы в тот самый момент, когда прежние формы достигают своего наивысшего осуществления. Никогда фрагментированность и последовательность, свойственные механизации, не выражались так отчетливо, как при рождении кино, т.е. в тот самый момент, который вывел нас за пределы механизма и погрузил в мир роста и органической взаимосвязи. За счет простого ускорения механического движения кино перенесло нас из мира последовательностей и звеньевых соединений в мир творческой конфигурации и структуры. Сообщение такого средства коммуникации, как кино, — это сообщение о переходе от линейных соединений к конфигурациям. Именно этим переходом вызвано нынешнее совершенно справедливое наблюдение: «Если что-то работает, значит, оно уже устарело». Когда далее на смену механическим последовательностям кино приходит скорость электричества, силовые линии в структурах и средствах коммуникации становятся звучными и ясными. Мы возвращаемся к инклюзивной форме иконического образа.

Перед высокоразвитой письменной и механизированной культурой кино предстало как мир восторжествовавших иллюзий и грез, который можно купить за деньги. Именно в момент возникновения кино появился кубизм, и Э.Г. Гомбрих (в книге *Искусство и иллюзия*¹) назвал его

¹ *Gombrich E.H. Art and Illusion: A Study in the Psychology of Pictorial Representation. N. Y.: Pantheon, 1960.*

«самой радикальной попыткой искоренить двусмысленность и насадить единственное прочтение картины – прочтение ее как рукотворной конструкции, раскрашенного холста». Ибо «точку зрения», или одну грань иллюзии перспективы, кубизм заменяет одновременным представлением всех граней объекта. Вместо создания на холсте специализированной иллюзии третьего измерения, кубизм предлагает взаимную игру плоскостей и противоречие (или драматический конфликт) форм, освещений, текстур, который «растолковывает сообщение» посредством вовлечения. Многие считают это упражнением в рисовании, а не в сотворении иллюзий.

Иначе говоря, представляя в двух измерениях внутреннюю и внешнюю стороны, вершину, основание, вид сзади, вид спереди и все остальное, кубизм отбрасывает иллюзию перспективы ради мгновенного чувственного восприятия целого. Ухватившись за мгновенное целостное осознание, кубизм неожиданно оповестил нас о том, что *средство коммуникации есть сообщение*. Разве не очевидно, что в тот самый момент, когда последовательность уступает место одновременности, человек оказывается в мире структуры и конфигурации? Разве не то же самое произошло в физике, живописи, поэзии и коммуникации? Специализированные сегменты внимания перенесли на тотальное поле, и мы теперь совершенно естественно можем сказать: «Средство коммуникации есть сообщение». До появления электрической скорости и тотального поля то, что средство коммуникации есть сообщение, было не столь очевидно. Сообщением казалось «содержание», и люди имели привычку спрашивать, например, о чем эта картина. Между тем им никогда не приходило в голову спрашивать, о чем эта мелодия, или о чем эти дом или одежда. В таких вопросах люди сохраняли некоторое ощущение целостного паттерна, т.е. формы и функции как единого целого. Однако в электрическую эпоху эта интегральная идея структуры и конфигурации возобладала настолько, что ее подхватила даже педагогическая теория. Вместо работы со специализированными арифметическими «задачами», структурный подход прослеживает теперь силовые линии в числовом поле и побуждает маленьких детей размышлять о теории чисел и «множествах».

Кардинал Ньюмен¹ как-то сказал о Наполеоне: «Он понял грамматику пороха». Наполеон уделял внимание и другим средствам коммуникации, особенно флажковому телеграфу, дававшему ему огромное преимущество над врагами. Считается также, что именно он сказал: «Трех враждебно настроенных газет следует бояться больше, чем тысячи штыков».

Алексис де Токвиль был первым, кто овладел грамматикой печати и книгопечатания. Благодаря этому он сумел истолковать смысл грядущего изменения во Франции и Америке так, словно зачитывал вслух выдержку из врученного ему текста. Фактически XIX век во Франции и Америке потому и стал для Токвиля такой открытой книгой, что он постиг грамматику печати. Кроме того, он знал, где эта грамматика неприменима. Его спрашивали, почему он не написал книгу об Англии, хотя хорошо ее знал и восхищался ею. На это он ответил:

Нужно обладать незаурядной степенью философской глупости, чтобы считать себя способным за шесть месяцев составить суждение об Англии. Год всегда казался мне слишком коротким, чтобы правильно оценить Соединенные Штаты, а ведь приобрести ясное и точное представление об Американском Союзе гораздо легче, чем о Великобритании. В Америке все законы вытекают в некотором смысле из одной линии мышления. Все общество базируется, так сказать, на одном-единственном факте; все вытекает из одного-единственного принципа. Можно было бы сравнить Америку с лесом, через который проложено множество прямых дорог, сходящихся в одной точке. Нужно лишь найти центр, и все становится ясно с одного взгляда. В Англии же тропинки петляют и перекрещиваются, и только пройдя по каждой из них от начала до конца, можно выстроить картину целого.

В ранней работе о Французской революции Токвиль объяснял, что именно печатное слово, достигшее в XVIII веке

¹ Ньюмен Джон Генри (John Henry Newman, 1801–1890) – английский теолог, публицист и церковный деятель. В 1854–1858 гг. ректор католического университета в Дублине; с 1879 г. – кардинал. Главное произведение: *Грамматика согласия* (1870).

культурной насыщенности, гомогенизировало французскую нацию. Французы стали похожи друг на друга от севера до юга. Книгопечатный принцип единообразия, непрерывности и линейности переборол сложности древнего феодального и устного общества. Революция была совершена новыми литераторами и юристами.

В Англии же власть древних устных традиций обычного права, поддерживаемая средневековым институтом Парламента, была настолько огромна, что ни единообразие, ни непрерывность новой визуальной печатной культуры никак не могли окончательно в ней возобладать. В итоге в английской истории так и не произошло самого важного для нее события, а именно английской революции, подобной революции во Франции. Американской революции не нужно было отвергать или искоренять средневековые правовые институты, за исключением монархии. И, по мнению многих, американское президентство стало гораздо более личностным и монархичным, чем любая из существовавших европейских монархий.

Противопоставление Англии и Америки у Токвиля явно базируется на факте книгопечатания и печатной культуры, порождающих единообразие и непрерывность. Англия, говорит он, отвергла этот принцип и цепко держалась за динамичную, или устную, традицию обычного права. Отсюда непостоянство и непредсказуемость английской культуры. Грамматика печати не может помочь в истолковании сообщения, которое несут в себе культура и институты устного и неписьменного характера. Мэтью Арнольд¹ справедливо определял английскую аристократию как варварскую, ибо ее власть и статус не имели ничего общего с начитанностью или культурными формами книгопечатания. Герцог Глостерский

¹ Арнольд Мэтью (Matthew Arnold, 1822–1888) – английский поэт, критик, педагог и искусствовед. Из поэтических произведений наиболее известны поэма *Эмпедокл на Этне* и сборник *Новые стихотворения*. С 70-х годов занимался в основном литературной критикой; идеализировал античную культуру и противопоставлял ее буржуазной действительности, которую считал глубоко враждебной искусству. Основные критические работы: *Культура и анархия* (1869), *Литература и догма* (1873), *Опыты о критике* (1865, 1888).

говорил Эдварду Гиббону¹ по случаю выхода в свет его книги *История упадка и разрушения Римской империи*: «Еще одна чертова жирная книга, а, мистер Гиббон? Всё пописываем, пописываем, пописываем, а, мистер Гиббон?» Токвиль был высокообразованным аристократом, вполне способным отстраниться от ценностей и допущений книгопечатания. Поэтому только он один и понял грамматику книгопечатания. Только так, стоя в стороне от какой бы то ни было структуры или средства коммуникации, можно разглядеть присушие им принципы и силовые линии. Ибо каждое средство коммуникации обладает способностью навязывать излишне доверчивым свои допущения. Суть предсказания и контроля состоит в умении избежать этого подпорогового состояния нарциссического транса. И здесь величайшую помощь может оказать элементарное знание того, что при контакте, как и при первых тактах мелодии, может немедленно возникнуть зачарованность.

Поездка в Индию Э.М. Форстера² – драматичное исследование неспособности втиснуть устную и интуитивную восточную культуру в рациональные, визуальные европейские формы опыта. «Рациональное», разумеется, долгое время означало для Запада «единообразное, непрерывное и последовательное». Иными словами, мы перепутали разум с письменностью, а рационализм – с одной-единственной технологией. Поэтому обывательскому Западу в электрическую эпоху кажется, что человек становится иррациональным. В романе Форстера момент истины и освобождения от типографического транса Запада наступает в Марабарских пещерах. Рассудок Аделы Квестед не может справиться с тем тотальным всепоглощающим полем резонанса, каким является Индия. После посещения пещер: «Жизнь продолжалась как обычно, но в ней не было последствий:

¹ Гиббон Эдуард (Edward Gibbon, 1737–1794) – английский историк. Его основной труд *История упадка и разрушения Римской империи* получил широкую известность и был переведен на многие языки, в том числе на русский.

² Форстер Эдвард Морган (Edward Morgan Forster, 1879–1970) – английский писатель. Роман *Поездка в Индию* (*A Passage to India*) считается одним из лучших его произведений (рус. пер. – 1937).

звуки не вызывали эха, а мысли не двигались. Казалось, все было отрезано от своих корней и, следовательно, заражено иллюзией».

Поездка в Индию (это выражение было позаимствовано у Уитмена¹, видевшего Америку обращенной лицом к Востоку) – метафорический образ западного человека электрической эпохи, связанный лишь случайным образом с Европой или Востоком. Мы поражены радикальным конфликтом между видом и звуком, между письменными и устными формами восприятия и организации существования. Поскольку понимание, как подметил Ницше, приводит к остановке действия, мы можем смягчить мучительную остроту этого конфликта, если поймем те средства коммуникации, которые расширяют нас вовне и вызывают внутри и за пределами нас эти войны.

Детрайбализация², вызванная письменностью, и ее травматические последствия для племенного человека являются темой книги *Африканский разум в здоровье и болезни* психиатра Дж.К. Карозерса³. Значительная часть собранного им материала вошла в статью, опубликованную в ноябрьском номере журнала *Психиатрия* за 1959 год⁴. Опять-таки именно скорость электричества обнажила те силовые линии, которые тянутся из западной технологии в самые отдаленные уголки буша, саванны и пустыни. Одним из примеров служит бедуйн верхом на верблюде с притороченным к седлу батареечным радиоприемником. Затопление туземцев потоками понятий, к принятию которых их ничто не подго-

¹ Уитмен Уолт (Walt Whitman, 1819–1892) – американский поэт.

² В работе Маклюэна используются несколько соотносимых категорий, производных от слова «племя» (*tribe*): «трайбализм» (племенное состояние), «детрайбализация» (выход из племенного состояния) и «ретрайбализация» (повторное возвращение в племенное состояние, которое трактуется как «обращение» и связывается с электрическими средствами коммуникации). «Племенное» состояние рассматривается Маклюэном как некое исторически исходное социальное состояние человечества.

³ Carothers J. C. *The African Mind in Health and Disease*. Geneva: World Health Organization, 1953.

⁴ Carothers J. C. *The Culture, Psychiatry, and the Written Word // Psychiatry*. November, 1959.

товило, — вот обычное воздействие всей нашей технологии. Однако с появлением электрических средств коммуникации западный человек и сам переживает такое же наводнение, как и далекий туземец. Мы в нашей письменной среде подготовлены к встрече с радио и телевидением не более, чем туземец в Гане готов справиться с письменностью, которая вырывает его из коллективного племенного мира и выбрасывает на мель индивидуальной изоляции. Мы в нашем новом электрическом мире испытываем такое же оцепенение, какое испытывает туземец при втягивании в нашу письменную и механическую культуру.

Электрическая скорость смешивает доисторические культуры с горстками индустриальных торговцев, бесписьменные культуры — с полуписьменными и послеписьменными. Самым обычным результатом отрыва от корней и обрушивания потоков новых сведений и бесконечных новых форм информации является душевный крах различной степени тяжести. Уиндем Льюис¹ сделал это темой своей серии романов, озаглавленной *Век человеческий*. Первый из них, *День избияния младенцев*, как раз посвящен ускоряющемуся изменению, вызываемому средствами массовой информации, как своего рода массовому убийству невинных. В нашем мире по мере того, как мы все больше осознаем влияние технологии на формирование психики и психические проявления, мы утрачиваем всякую уверенность в своем праве кого бы то ни было в чем-то винить. Древние доисторические общества считают преступление, совершенное в состоянии ярости, достойным сожаления. К убийце относятся так, как мы относимся к жертве рака. «Как, должно быть, ужасно так себя чувствовать», — говорят они. Дж. М. Синг² очень

¹ Льюис Уиндем (Percy Wyndham Lewis, 1884–1957) — английский писатель и художник, основоположник абстракционистского течения в английской живописи.

² Синг Джон Миллингтон (John Millington Synge, 1871–1909) — ирландский драматург, поэт, эссеист, сыгравший важную роль в развитии национальной ирландской словесности. Самое известное его произведение — пьеса *Плейбой западного мира* (1907). Первые постановки этой пьесы в Ирландии и США вызвали бурю протеста, якобы содержа в себе «клевету на ирландский характер».

эффектно воспользовался этой идеей в своей пьесе *Удалой молодец – гордость Запада*¹.

Если преступник выглядит нонконформистом, неспособным соблюсти те требования технологии, которые соблюдаем мы, ведя себя единообразно и постоянно, то на других людей, которые не могут приспособиться, письменный человек весьма склонен смотреть как на нечто жалкое. В мире визуальной и книгопечатной технологии жертвами несправедливости предстают прежде всего ребенок, инвалид, женщина и цветной. С другой стороны, в культуре, которая предписывает людям роли, а не рабочие места, карлик, косоглазый и ребенок создают свои собственные пространства. От них не ожидают, что они будут вписываться в какую-то единообразную и повторяемую нишу, которая явно им не подходит. Взять хотя бы выражение «это мужской мир». Как количественное наблюдение, бесконечно извергающееся из недр гомогенизированной культуры, это выражение относится в этой культуре к тем людям, которые должны стать гомогенизированными Дагвудами², чтобы вообще к ней принадлежать. Именно в наших тестах IQ^3 мы произвели величайший поток незаконнорожденных стандартов. Не сознавая своего книгопечатного культурного крена, наши разработчики тестов принимают допущение, что единообразные и постоянные привычки служат признаком интеллекта, и тем самым упраздняют человека слышащего и осязающего.

Ч.П. Сноу в рецензии на книгу А.Л. Роуза о политике умиротворения и поездке в Мюнхен⁴ описывает высший уровень британских мозгов и опыта в 30-е годы. «Кoeffи-

¹ В более целомудренном советском переводе название пьесы передается как *Удалой молодец – гордость Запада*. Пьеса была переведена на русский язык К. Чуковским (*Герой*, 1923).

² *Дагвуд Бамстед* (Dagwood Bumstead) – один из главных героев популярного семейного комикса *Блондинка* художника Чика Янга. Этот персонаж был настолько популярен, что в английский язык вошло новое выражение, связанное с ним, «дагвудские сэндвичи» (Дагвуд имел привычку готовить себе перед сном огромные многослойные бутерброды).

³ Тесты проверки интеллекта.

⁴ Rowse A.L. *All Souls and Appeasement. A Contribution to Contemporary History*. L.: Macmillan, 1961. Рецензия Сноу помещена в *The New York Times Book Review*. December 24, 1961.

циенты интеллекта у них были намного выше, чем обычно бывает у политических боссов. Как же они допустили такую катастрофу?» По мнению Роуза, с которым Сноу одобрительно соглашается, «они не стали бы слушать предостережений, ибо не желали ничего слышать». Их ненависть к красным не позволяла им истолковать суть Гитлера. Но их неудача ничто по сравнению с той, которая постигла нас сегодня. Американская ставка на письменность как технологию или единообразие, применяемые к каждому уровню образования, управления, промышленности и социальной жизни, во всей своей полноте поставлена под угрозу электрической технологией. Угроза со стороны Сталина или Гитлера была внешней. Электрическая же технология хозяйничает у нас дома, а мы немые, глухие, слепы и бесчувственны перед лицом ее столкновения с технологией Гутенберга, на основе и по принципу которой сформировался весь американский образ жизни. Однако не время предлагать стратегии, когда наличие этой угрозы еще даже не разглядели. Я нахожусь в положении Луи Пастера, рассказывающего врачам, что величайший их враг совершенно невидим и совершенно им неизвестен. Наша обычная реакция на все средства коммуникации, состоящая в том, что якобы значение имеет только то, как они используются, — это оцепенелая позиция технологического идиота. Ибо «содержание» средства коммуникации подобно сочному куску мяса, который приносит с собою вор, чтобы усыпить бдительность сторожевого пса нашего разума. Воздействие средства коммуникации оказывается сильным и интенсивным именно благодаря тому, что ему дается в качестве «содержания» какое-то другое средство коммуникации. Содержанием кино является роман, пьеса или опера. Воздействие кинематографической формы никак не связано с тем содержанием, которое ее наполняет. «Содержанием» письма или печати служит речь, однако ни печать, ни речь читатель почти совсем не сознает.

Арнольд Тойнби пребывает в блаженном неведении относительно того, как средства коммуникации формировали историю, однако приводит великое множество примеров, которыми исследователь средств коммуникации может воспользоваться. В какой-то момент он может всерьез предположить, что просвещение взрослых — например, деятельность Ассо-

циации образования рабочих¹ в Великобритании – является полезным противовесом популярной прессе. Тойнби отмечает, что, хотя все восточные общества приняли в наше время промышленную технологию и ее политические следствия, «в культурном плане нет соответствующей единообразной тенденции»². Это все равно что голос грамотного человека, который барахтается в море рекламных объявлений, но в то же время похвально: «Лично я не обращаю на рекламу никакого внимания». Духовные и культурные резервации, которые восточные народы могут пытаться противопоставить нашей технологии, вообще ничего им не дадут. Воздействие технологии происходит не на уровне мнений или понятий; оно меняет чувственные пропорции, или образцы восприятия, последовательно и без сопротивления. Серьезный художник – единственный, кто способен без ущерба для себя встретиться с технологией лицом к лицу, и именно потому, что он является экспертом, осознающим изменения в чувственном восприятии.

Функционирование денежного посредника в Японии XVII века вызвало последствия, в известной мере аналогичные тем, которые на Западе вызвало книгопечатание. Проникновение денежной экономики, как писал Дж. Б. Сэнсом, «вызвало медленную, но неудержимую революцию, достигшую своего пика в крушении феодального правления и возобновлении сношений с иноземными странами после более чем двухвековой изоляции»³. Деньги реорганизовывали чувственную жизнь народов именно потому, что являются *расширением* нашей чувственной жизни. Это изменение несколько не зависит от одобрения или осуждения его теми, кто живет в данном обществе.

Арнольд Тойнби наметил один из подходов к изучению преобразующей силы средств коммуникации в своем

¹ Добровольная просветительская ассоциация в Великобритании, занимавшаяся организацией и осуществлением специальных учебных программ для повышения уровня грамотности и образованности среди рабочих.

² Somervell D. C. (ed.). *A Study of History*, by A. J. Toynbee. Abridgement... Vol. I. Oxford: Oxford University Press, 1947. P. 267.

³ Sansom G. B. *Japan*. L.: Cresset Press, 1931.

понятии «этерификации»¹, которая, по его мнению, лежит в основе прогрессивного упрощения и роста эффективности любой организации или технологии. Как правило, он игнорирует *воздействие* столкновения с этими формами на реакции наших органов чувств. Он полагает, что для воздействия средств коммуникации или технологии на общество важна именно реакция наших мнений, т.е. «точка зрения», которая явно представляет собой результат книгопечатных чар. Ибо в письменном и гомогенизированном обществе человек перестает быть восприимчивым к разнообразной и прерывной жизни форм. Как часть своей нарциссической фиксации он приобретает иллюзию третьего измерения и «частную точку зрения», а тем самым начисто отрезается от присущего Блейку или Псалмопевцу² осознания: мы становимся тем, к чему прикован наш взор.

Сегодня, когда мы хотим обрести точку опоры в собственной культуре и нуждаемся в принятии отстраненной позиции по отношению к принуждению и давлению, которое оказывает на нас любая техническая форма человеческого самовыражения, нам нужно просто навестись в общество, в котором эта конкретная форма никогда не ощущалась, или обратиться к какому-нибудь историческому периоду, когда она была неизвестна. Профессор Уилбур Шрамм³ предпри-

¹ «Этерификация» (от греч. aither – ‘эфир’) понимается Тойнби как свойственный цивилизации процесс все большего упрощения, происходящий путем перехода от мускульной силы к «энергиям все более элементарным, тонким и постигаемым лишь при помощи абстрактных категорий, как бы эфирным» (от мускульной энергии к механической, от воды к пару, от пара к электричеству, от передачи электрических волн по проводам к передаче их через «эфир» и т.п.). Феномен этерификации, по мнению Тойнби, проявляется в самых разных сферах человеческой жизни, в частности находит отражение в развитии техники письма по пути упрощения формы и достижения максимальной экономии визуальных символов. См.: *Тойнби А. Постигание истории. Сборник. М.: Прогресс, 1991. С. 234–241.*

² Имеется в виду библейский царь Давид.

³ *Шрамм Уилбур Лэнг (Wilbur Lang Schramm, 1907–1987)* – американский исследователь, один из основоположников коммуникативистики как самостоятельной отрасли науки. Испытал сильное влияние Г. Ласуэлла, П. Ф. Лазарсфельда, К. Левина и К. Ховленда. Сторонник междисциплинарного подхода в коммуникативистике. Считал, что коммуникации играют центральную роль в обществе на всех его уровнях, от межличностного и группового до социального и международного.

нял такой тактический ход в своем исследовании *Телевидение в жизни наших детей*¹. Он нашел такие места, куда телевидение вообще до сих пор не проникло, и провел там несколько тестов. Поскольку он не ставил перед собой задачи исследовать особую природу телевизионного образа, его тесты выявляли «содержательные» предпочтения, длительность просмотров и словарный запас. Словом, его подход к проблеме был книжно-письменным, пусть даже он этого не сознавал. Поэтому ему и нечего было сообщить. Будь его методы применены в 1500 году н.э. для выявления воздействия печатной книги на жизнь детей или взрослых, он и тогда бы не смог обнаружить ничего, что касалось бы тех изменений в человеческой и социальной психологии, которые были результатом книгопечатания. В XVI веке печать породила индивидуализм и национализм. Анализ программного наполнения, или «содержания», не дает никаких ключей к магическому воздействию этих средств коммуникации или к их подсознательному заряду.

Леонард Дуб в докладе *Коммуникация в Африке*² рассказывает об одном африканце, который изо всех сил старался прослушивать каждый вечер выпуски новостей ВВС, хотя ничего не мог в них понять. Для него было важно просто находиться ежедневно в 7 часов вечера в присутствии этих звуков. Его отношение к речи было сродни нашему отношению к мелодии; резонирующей интонации было для него вполне достаточно. В семнадцатом веке наши предки все еще разделяли это туземное отношение к формам средств коммуникации, что ясно видно на примере следующего чувства, выраженного французом Бернаром Ламмом в книге *Ораторское искусство*³:

Из Мудрости Бога, сотворившего Человека для счастья, вытекает, что все, что бы ни было полезно для его беседы (образа жизни), ему одновременно и приятственно... ибо всякая провизия, влекущая к насыщению, приятна на вкус, тогда

¹ Schramm W., Lyle J., Parker E.B. *Television in the Lives of Our Children*. Toronto: University of Toronto Press, 1961.

² Doob L. *Communication in Africa. A Search for Boundaries*. New Haven; L.: Yale University Press, 1961.

³ Lam B. *The Art of Speaking*. London, 1696.

как иные вещи, которые не могут быть нами усвоены и превращены в нашу субстанцию, безвкусны. Речь не может быть приятна для Слушателя, когда она с трудом дается Говорящему; да и ему самому нелегко ее произнести, когда не слушают его с наслаждением.

Здесь применительно к человеческому питанию и самовыражению изложена теория равновесия, которую мы даже сейчас, после столетий фрагментации и специализма, еще только стремимся разработать заново применительно к средствам коммуникации.

Папу Пия XII глубоко волновала необходимость серьезного изучения сегодняшних средств коммуникации. 17 февраля 1950 года он сказал:

Не будет преувеличением сказать, что будущее современного общества и стабильность его внутренней жизни зависят в значительной степени от сохранения равновесия между мощностью технических средств коммуникации и способностью человека к индивидуальной реакции.

На протяжении веков неумение поддерживать такое равновесие было типичным и всеобщим для всего человечества. Подсознательное и покорное принятие воздействия средств коммуникации превращало их в тюрьмы без стен для тех людей, которые ими пользовались. Как заметил Э. Дж. Либлинг в книге *Пресса*¹, человек не свободен, если не может видеть, куда он идет, пусть даже у него есть ружье, которое поможет ему туда добраться. Ибо каждое средство коммуникации, помимо всего прочего, — это еще и мощное оружие нападения на другие средства коммуникации и другие группы. Как следствие, нынешняя эпоха стала эпохой многочисленных гражданских войн, которые отнюдь не ограничиваются миром искусства и развлечений. В книге *Война и человеческий прогресс* профессор Дж. У. Неф заявил: «Тотальные войны нашего времени были результатом ряда интеллектуальных ошибок...»² Если формообразующей силой,

¹ *Liebling A.J. The Press.* N. Y.: Balantine Books, 1961.

² *Nef J.U. War and Human Progress. An Essay on the Rise of Industrial Civilization.* Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1950.

заклученной в средствах коммуникации, являются сами эти средства, то отсюда вытекает огромное множество важных вопросов, которые могут быть здесь только упомянуты, хотя заслуживают целых томов. А именно: технологические средства коммуникации представляют собой сырьевые, или естественные, ресурсы, точно такие же, как уголь, хлопок и нефть. Каждый человек согласится, что общество, экономика которого зависит от одного или двух основных ресурсов – например, хлопка, зерна, леса, рыбы или скота, – скорее всего, будет иметь в результате этого некоторые очевидные социальные формы организации. Упор на немногие основные ресурсы создает крайнюю нестабильность в экономике, но огромную сопротивляемость в населении. Энтузиазм и юмор американского Юга коренятся именно в такой экономике ограниченных ресурсов. Ибо общество, конфигурированное опорой на немногие основные товары, принимает их как социальное долговое обязательство, совершенно так же, как крупный город принимает в качестве такового прессу. Хлопок и нефть, подобно радио и телевидению, становятся «фиксированным налогом», взимаемым со всей психической жизни сообщества. И этот всепроникающий факт создает в каждом обществе его уникальную культурную атмосферу. Общество платит носом и всеми другими органами чувств за каждый ресурс, придающий форму его жизни.

То, что наши человеческие чувства, расширения которых являются все без исключения средства коммуникации, тоже являются фиксированными налогами на наши личностные энергии и тоже конфигурируют сознание и опыт каждого из нас, можно воспринимать и в ином аспекте, на который обращает внимание психолог К.Г. Юнг:

Каждый римлянин был окружен рабами. Раб и его психология наводнили древнюю Италию, и каждый римлянин внутренне – и, разумеется, непреднамеренно – становился рабом. Ибо он, постоянно живший в атмосфере рабов, заражался через бессознательное их психологией. Никто не в силах защитить себя от такого влияния¹.

¹ Jung C. G. Contributions to Analytical Psychology. L.: K. Paul, Trench, Tribner & Co., Ltd., 1928.